

1146

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Рэйчел Стюарт

САМЫЙ ЧУВСТВЕННЫЙ ГОД

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Рейчел Стюарт

Самый чувственный год

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Стюарт Р.

Самый чувственный год / Р. Стюарт — «Центрполиграф»,
2022 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-10345-1

У Саммер Эванс было трудное детство: мать рано бросила ее и девочка успела сменить несколько приемных семей. При этом ее всегда считали «трудным ребенком». Но однажды она попадает в шотландский замок в семью пожилой леди Кэтрин и ее внука Эдварда... Саммер выросла, превратилась в прекрасную женщину, много путешествовала по миру, в то время как Эдвард стал миллионером. Они редко встречались, но помнили, как нравилось обоим когда-то их общение. И вот судьба вновь сводит их: перед смертью Кэтрин оставляет завещание, по которому Саммер вместе с Эдвардом должна владеть замком. Согласится ли Саммер на такие условия и сможет ли наконец обрести свой дом, о котором мечтала всю жизнь?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-10345-1

© Стюарт Р., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рейчел Стюарт

САМЫЙ ЧУВСТВЕННЫЙ ГОД

Rachael Stewart
My Year with the Billionaire

My Year with the Billionaire
© 2022 by Rachael Stewart
«Самый чувственный год»
© «Центрполиграф», 2023
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

* * *

Пролог

Эдвард

Я знаю, что мне не следует так смотреть. Нужно идти и притворяться, будто ничего не видел. Но я не могу отвести взгляда.

Саммер Эванс, новая приемная дочь моей бабушки, идет купаться. Я понимаю, что сейчас жарко, даже душно, но купаться... В озере? По моим подсчетам, я уже двадцать лет каждое лето провожу в замке и ни разу не отважился окунуть в озеро даже пальцы ног, не то чтобы нырнуть с головой.

Впрочем, не стоит удивляться. Я повидал многих приемных детей бабушки и готов ко всему. Но эта!

Она моложе меня, но своими действиями выделяется из толпы. И я в восторге. Она грациозно рассекает воду, и страх, что мне, возможно, придется нырять и спасать ее, ослабевает. Я приближаюсь к кромке воды, наблюдая, как солнце переливается в ряби, исходящей от озера, и испытываю дикое желание присоединиться к Саммер.

Но я же не дикарь, в конце концов.

Она поворачивается. Ее ярко-голубые глаза сталкиваются с моими. Мое сердце учащенно бьется в груди, не в силах успокоиться. Выражение лица Саммер проясняется, движения становятся спокойными, и она расплывается в широчайшей улыбке.

– Ты, должно быть, Эдвард?

Этот голос разносится над озером. Ее акцент трудно определить. Он не совсем шотландский, но и не совсем английский. Что-то среднее.

– Это так. – Я откашливаюсь, мой голос звучит странно сдавленно. – Бабушка послала меня передать тебе, что ужин будет готов через полчаса.

– Полчаса. Поняла.

Я переминаюсь с ноги на ногу, чувствую на себе ее взгляд и, кажется, не могу найти в себе сил уйти, хотя и сделал все, что мне велели, и должен уйти. А я вместо этого спрашиваю:

– У тебя есть полотенце? Могу принести.

Она смеется и подплывает ближе. Я делаю шаг назад.

– Ты ведь не пойдешь в замок, оставляя за собой лужи?

– Не волнуйся, солнце довольно быстро высушит меня.

Она тянется к перекладинам импровизированной лестницы на краю причала, и я понимаю, что она собирается выйти. В таком прозрачном топе она с таким же успехом могла бы быть голой. Я поворачиваюсь, стягиваю с плеч свитер, желая предложить ей хоть что-то, лишь бы не видеть больше чем следует.

– Возьми.

Я даже не поворачиваюсь, а мозг уже рисует картинку, которую видеть не хочу. Ее одежда, облегающая каждый изгиб. Ее яркая улыбка, глаза, полные искр.

Как же много времени я провел за учебой, даже забыл, что за пределами университетского общежития существует иная жизнь! Потому-то и реагирую сейчас столь бурно.

Приезд сюда должен был стать перерывом от той скучной жизни, способом выпустить пар. Похоже, все получится.

– Ты настоящий джентльмен, – рассмеялась она, беря свитер.

– Стараюсь.

Я по-прежнему не поворачиваюсь, лишь прислушиваюсь к тому, как на деревянный настил падают капли воды. И представляю. Вот она встряхивает головой с короткими светлыми волосами. Вот отжимает промокшую рубашку. Маленькая капелька попадает мне на руку и стекает вниз, а вслед за ней по руке бегут мурашки.

– Ты вечно будешь так стоять?

– Что? – Я поворачиваюсь к ней. – Что за дела, я дал тебе свитер не для того, чтобы ты садилась на него.

– О, прости. – Она смотрит на свитер, поднимает взгляд на меня. – Ты хочешь его забрать?

Мои губы сами собой растягиваются в первой за долгое время искренней улыбке.

– Я... – не сразу могу закончить предложение. – Нет. Не хочу.

– Хорошо. – Она снова улыбается. Солнце освещает ее от макушки до пят, капли воды оставляют блестящие дорожки на ее обнаженной коже.

Я вновь перевожу взгляд на ее лицо. Она глубоко вздыхает, хотя ведет себя так, словно ей на все наплевать. Как говорит моя мама, бабушкины приемные дети приходят с таким багажом, что его хватит на то, чтобы потопить корабль.

– Хочешь присоединиться ко мне? – Говоря это, она не смотрит на меня.

Я убеждаю себя, что мне лучше уйти. Но не хочу этого делать. Есть в ней некая непринужденность, дикая, раскрепощенная. Хочется побыть с ней еще какое-то время. Я присаживаюсь рядом, хотя мой разум велит мне обратное.

– Было так трудно решиться, – поддразнивает она.

Я снова улыбаюсь, напрягая мозг в поисках остроумного ответа. Обычно я не настолько глуп в общении с противоположным полом, просто никогда прежде не встречал такой девушки, как она.

Она отворачивается и, порывшись в своей кроссовке, достает сигарету.

– Хочешь?

Я морщусь, магия момента меня немного отпускает.

– Нет.

– Да, сигарета была в кроссовке всего пару минут.

– Я не против кроссовки.

– А... – Она приподнимает бровь. – Ты против курения. Это не принято в ваших высших кругах, да?

Я знаю, что она смеется надо мной, по ее глазам, когда она зажимает сигарету зубами и достает зажигалку.

– Делай, как хочешь.

Она поджигает сигарету, я продолжаю наблюдать, очарованный, испытывающий отвращение и восторг одновременно.

– Ты ведь знаешь, бабушка это не одобряет.

Какой у меня хриплый голос! И почему я не могу оторвать глаз от ее губ?

Она медленно затягивается и облизывает губы, чтобы помучить меня еще больше.

– Не моя проблема.

Вызывающий огонь оживает в ее глазах, и я хмурюсь, не обращая внимания на то, что сквозь облегающую белую футболку могу видеть черный контур ее бюстгалтера.

Кто вообще носит черное под белым?

Тот, кто не любит подчиняться. Бунтарь. И видит бог, за эти годы бабушка повидала их немало. Похоже, Саммер – не исключение.

– Ты живешь под ее крышей, она присматривает за тобой, так что это и твоя проблема.

Она встречает мой пристальный взгляд, ее глаза скользят по мне, будто она впервые по-настоящему видит меня. Ее губы изгибаются.

– Ты собираешься наказать меня?

Я сдерживаю проклятие. Она что, играет со мной? Или искренне флиртует?

Как бы то ни было, у меня нет ответа. Мое молчание заставляет ее тихо смеяться, потом она отворачивается и смотрит на воду.

– Надолго ты здесь?

Мне понадобилось пару секунд, чтобы сформулировать ответ:

– Разве бабушка не сказала?

– Нет.

Она, томно вытягиваясь, откидывается на локти. По моим венам разливается жар. Я забываю, о чем мы говорили, и понимаю, что она поймала мой взгляд, когда я бесстыдно разглядывал ее. Краска заливает мои щеки, пульс зашкаливает.

А ее все это ничуть не волнует. Напротив, она наслаждается ситуацией. Ее смешок звучит очень кокетливо, а покусывание губ выглядит еще более кокетливо.

– Я останусь до сентября, до нового семестра в университете.

– Эдинбургский университет?

Я киваю. Она тихо присвистывает, снова окидывая меня пристальным взглядом. Ее пульс учащается, глаза темнеют. Мне знаком подобный взгляд. И я хочу действовать в соответствии с этим. Желание сжигает меня, несмотря на то, что я не должен пересекать эту черту, даже если она сама, вероятно, пересекала много раз. Она нарушает напряженное молчание.

– Итак, у нас впереди целое лето вместе. Как весело.

– Ты думаешь? – Каждое слово дается мне с трудом.

– А ты нет?

Ее глаза встречаются с моими. В моем сознании танцуют образы. Неправильные. Заманчивые. Сумасшедшие. Будто она проецирует на меня свое представление о веселье. Но ее и мое представление о веселье вовсе не одно и то же.

– Хм, знаешь, мое пребывание здесь только что стало намного лучше.

И она с любопытством в глазах поворачивается ко мне. Я жду, пока она еще что-нибудь скажет, но она молчит. Ее голубые глаза притягивают меня все сильнее, пока я не перестаю дышать, вынужденный разрушить ее чары.

– Что?

– О, Эдвард, мы отлично поладим.

– Думаешь?

Она игриво подмигивает мне, наклоняется ближе, ее голос становится хриплым шепотом.

– Я знаю это.

Она прикусывает губу, ее взгляд падает на мои губы.

Клянусь, я мог бы поцеловать ее...

Я хочу, мое тело переполнено энергией, чтобы сделать именно это, но я не делаю.

Я хочу чего-то большего.

Я хочу узнать ее лучше.

Я хочу проникнуть под панцирь бунтарки и добраться до девушки под ним.

И на это у меня все лето.

Глава 1

Саммер

– Ну же, давай, давай!

И Я барабаню пальцами по колену, мой взгляд прикован к сверкающим зеленым цифрам – часам на приборной панели такси. Я опаздываю. Пробки бампер к бамперу, никто никуда не едет.

Здесь всегда так? С тех пор как я была в Эдинбурге, да и вообще в Великобритании, прошли годы. Все такое безумное.

Я привыкла к открытым пространствам, горам, пляжам и людям, которые ведут себя так, будто обладают всем временем мира и свободой, чтобы наслаждаться этим миром.

Но здесь все другое. Серый моросящий дождь, люди, перебегающие от одного здания к другому. В костюмах и ботинках. Скучные и ворчливые.

Мой взгляд возвращается к часам, и я закусываю губу.

Мне нужно было приехать месяц назад. Не сейчас, и не по просьбе мужчины, которого я даже не знаю, от имени единственной женщины, которую я когда-либо любила.

Моя приемная мать. Кэтрин.

Впрочем, и она меня любила. Правда, недостаточно, даже не дала мне шанса попрощаться с ней.

Я впиваюсь ногтями в ладони, в глазах ощущаю жжение.

Я знаю, почему она ничего мне не сказала.

Но от этого боль не становится меньше.

Кэтрин была мне самым близким человеком из всех, кого я когда-либо знала, а теперь ее нет.

Все дело во мне, только во мне.

Яжимаю плечами. Не стоит тратить жизнь на грусть. Такая пустая трата. У нас только одна жизнь, и надо прожить ее на полную катушку. Правильно? Сделать как можно больше, посмотреть мир. Нет времени на остановки.

По крайней мере, я-то так вижу. Даже если из-за этого сейчас опаздываю.

Я наклоняюсь к водителю:

– Долго еще?

Он пожимает плечами:

– Десять минут. Или двадцать. Ремонт дорог по всему городу.

Я откидываюсь на спинку сиденья. Звучит клаксон какого-то автомобиля, потом еще один, и еще. Невозможно больше это выносить. Даже с багажом я могу идти быстрее, чем ехать по этим пробкам. Порывшись в сумке, я достаю несколько банкнот и сую их водителю, указывая на счетчик:

– Этого хватит, да?

Он кивает, поворачивается, скептически оглядывает мой багаж:

– Но...

– Ничего страшного, справлюсь.

Я открываю дверь и выбираюсь на улицу. Какое облегчение вновь оказаться на свежем воздухе! На одну короткую секунду я поднимаю лицо к дождю и глубоко вдыхаю, чувствуя себя свободной. Я слишком долго просидела взаперти в самолетах и общественном транспорте,

а путешествие из Куала-Лумпура, казалось, длилось целую вечность, хотя прошло максимум двадцать четыре часа.

Желание зарегистрироваться в отеле и принять душ стало почти навязчивым. Для этого всего-то и нужно просто позвонить мистеру Макалистеру, попросить перенести встречу на завтра.

Ох, избегание.

Машина позади такси нетерпеливо сигналиит. Я захопываю дверь.

– Да-да, хорошо.

Что не так с этим городом?

Закинув сумку за спину, я направились в сторону офиса адвоката.

Может быть, следовало прилететь на день раньше, лучше подготовиться, физически и морально. С другой стороны, я не из тех, кто устраивает шоу. И Кэтрин уважала меня за это. Зачем меняться сейчас?

А что, если он там?

Я спотыкаюсь на тротуаре, зацепляюсь плечом за уличный фонарь и морщусь.

– С чего бы ему находиться там, – ворчу я себе под нос, поправляю сумку и ускоряю шаг.

Что бы ни хотел передать мистер Макалистер, из этого не обязательно следует, что Эдвард тоже собирается присутствовать, а если и собирается, то адвокату Кэтрин было бы нелишним упомянуть об этом в электронном письме. Пульс замирает, я стискиваю зубы. С тех пор как получила это письмо, я хожу по кругу, мне это надоело. Если он там, значит, там. Придется смириться. Мне тридцать восемь, я знаю себе цену и вполне готова к цивилизованному разговору в присутствии Эдварда.

Я морщусь, и мужчина, идущий мне навстречу, отходит в сторону. Должно быть, я выгляжу немного сумасшедшей. Интересно, женат ли Эдвард? Стал ли отцом? Успешен ли?

Нутром чувствую ответ. Мужчина, подобный ему, добрый, богатый, сексуальный – абсолютная находка. Если он счастлив и успешен в жизни, то, возможно, будет признателен мне за то, что я ушла так, как ушла.

Я ускоряю шаг, игнорируя давящее чувство в груди оттого, что меня так-таки догнало мое прошлое.

Эдвард

Чарльз уже, наверное, сотый раз откашливается. Мои глаза сужаются, когда я вижу капли пота, выступающие у него на лбу. Он спешит вытереть их насухо, но я увидел достаточно, и от этого у меня выступает неприятный пот.

Чарльз – воплощение хладнокровия, надежности, прагматизма. Вот почему моя бабушка выбрала его управлять юридическими делами своего поместья.

Он не только ее адвокат, но и самый близкий друг. Это обстоятельство лишь усиливает его беспокойство.

Он пытается улыбнуться мне, морщинки вокруг серых глаз за очками в проволочной оправе становятся глубже. Он выглядит так, словно вышел из тридцатых годов, его офис тоже. Но мне недосуг оценивать его одежду или декор. Я жду оглашения завещания бабушки.

Понятное дело, ему тяжело. Черт, это тяжело для нас обоих! Но чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.

Плохо то, что мои родители не сочли нужным отказаться от путешествия, и потому присутствую только я.

Хотя стоп, должен быть еще кто-то. Чарльз утверждает, что нужно подождать. Но кого? На это Чарльз не дает ответа.

Все любопытнее и любопытнее, как сказала бы моя бабушка, обожающая Алису в Стране чудес.

Я не отвечаю на улыбку Чарльза, поправляю галстук и перевожу взгляд на часы. Этот кто-то опаздывает уже на двадцать минут.

– У нас обоих дела, Чарльз. – Я снова смотрю на адвоката, пытаюсь говорить твердым тоном, потому что, честно говоря, заниматься мне особо нечем. Прошел месяц с тех пор, как умерла бабушка. Целый месяц. И ничто не может заполнить пустоту, оставшуюся после нее. Я пытался. Перепробовал все. – Не понимаю, почему мы не можем покончить с этим прямо сейчас?

– Я обещал твоей бабушке, что выполню все ее пожелания.

– Если меня заставляют ждать кого-то, я заслуживаю знать хотя бы имя этого человека. Ну же, Чарльз, если только вам не удалось откопать какого-нибудь дальнего родственника, о котором никто никогда не слышал, и заявить, что Кэтрин полностью...

– Сожалею, что опоздала!

Запыхавшийся голос проникает через тяжелую дубовую дверь в кабинет Чарльза. Его секретарша распахивает дверь:

– Мистер Макалистер, прибыла мисс Эванс.

Он вскакивает, вытирая ладони о брюки.

– Спасибо, Трейси.

И шагает вперед, глядя на женщину, о которой я слышал, но еще не видел.

Мисс Эванс?

Что, черт возьми, происходит?!

Какой-то звоночек звенит глубоко в моем подсознании. Легкая хрипотца в этом женственном тоне. Не поддающийся идентификации акцент.

Я встаю и поворачиваюсь, чтобы поприветствовать гостью.

И земля уходит у меня из-под ног.

Зрение сужается при виде ее.

Саммер.

Этого не может быть!

Я заставляю себя выпрямиться, импульсивно разглаживаю галстук, не в силах верить собственным глазам. Сначала я замечаю копну светлых волос и кожу, слишком много открытой кожи для осенней Шотландии. И одежда настолько неподходящая, будто она зашла в благодотворительный магазин и не обратила внимания ни на размер, ни на цвет. Ее ботинки так же поношены, как и сумка, вероятно, очень тяжелая.

Где, черт возьми, она, по ее мнению, находится?! Ее наряд больше подходит для прогулки по солнечным пляжам Бали, чем по улицам Эдинбурга в сырую и унылую осеннюю пору.

Неужели не понимает, какой сейчас сезон? Неужели ее не волнует, насколько неуместно она выглядит?

Хотя да, это же Саммер, которую никогда не заботило чье-либо мнение, кроме собственного.

Я встречаюсь с ней взглядом. Саммер. Саммер Эванс. Та, которую мы так долго ждали и на присутствии которой настояла бабушка.

На меня нахлынули тысячи воспоминаний, и мое сердце заколотилось в груди.

Она улыбается мне, а ее взгляд переносит меня на двадцать лет назад, к тем же ярко-голубым глазам, к той же бунтарской усмешке.

Я резко отвожу взгляд и накидываюсь на Чарльза:

– Какого черта она здесь делает?!

Его улыбка гаснет.

– Давайте присядем, и я все объясню.

– Я тоже рада тебя видеть. – Она обращается ко мне.

Ее голос тверд, а в ее глазах читается намек на то, что я хотел бы считать раскаянием.

Правда, она никогда не страдала угрызениями совести.

Откуда, черт возьми, она взялась?! Где была все это время?

И, что более важно, почему она здесь?

Она сжала сумку так крепко, что побелели костяшки пальцев. В комнате воцаряется тишина, все смотрят на меня.

– Ну что, присядем? – спрашивает она.

Присесть? С ней? Чтобы услышать завещание моей бабушки? Это, должно быть, шутка.

Какая-то странная, извращенная шутка.

– Да, давайте присядем.

Чарльз жестом указывает ей на стул, помогает пристроить сумку, а я просто стою как дурак и смотрю на нее. На улице льет как из ведра, ее голые руки блестят от воды, одежда прилипает к коже.

Я словно снова на озере, как более двух десятилетий назад. И пожар, столь же мгновенный, сколь нежелательный, вспыхивает внутри меня.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить, мисс Эванс?

– Воды было бы прекрасно.

Чарльз, словно компенсируя мою враждебность, изо всех сил пытается вести себя как ни в чем не бывало. В конце концов, если бабушка хотела, чтобы она находилась здесь, мне нужно вести себя достойно.

Я сажусь на свое место, пытаюсь сдерживать внутреннюю бурю.

О, бабушка, что ты наделала?

Глава 2

Саммер

– Что бабушка сделала?!

Я слегка подпрыгиваю на стуле от крика Эдварда. И неизвестно, что хуже, – его приветствие или реакция на завещание.

Не могу его винить ни в том ни в другом.

Я ошеломлена не меньше его. Фактически лишилась дара речи. Большая редкость для меня.

Макалистер вытирает лоб, его морщины становятся глубже. Бедняга.

– Т-ты хочешь, чтобы я прочитал все заново?

Эдвард в гневе. В сильном гневе. И его внешний вид словно подчеркивает этот гнев. Строгий покрой темно-синего костюма, тщательно ухоженные и зачесанные назад каштановые волосы, легкая щетина подчеркивает выдающиеся скулы и сильную челюсть.

Это уже не тот гладко выбритый двадцатилетний парень, которого я встретила много лет назад, бывший ученик государственной школы, с тихой улыбкой и милым характером.

Сейчас передо мной мужчина, за плечами которого груз прожитых лет, богатства и успеха.

– Нет, не нужно читать. Я все понял. Просто... – Его шоколадно-карие глаза, острые как бритва, скользят по мне, мое сердце непроизвольно подпрыгивает. Я даже не успеваю прийти в себя, как он снова смотрит на Макалистера, в глубине его глаз вспыхивает обвинение. – Она, видимо, плохо соображала. Ты должен был, – он машет рукой, – убедиться в том, что она принимала эти решения в здравом уме и памяти.

– Эдвард! Не смей сомневаться в разуме Кэтрин. Она была вменяема.

– Правда?

Он смотрит на меня в упор, и я не могу дышать от его эмоций. Гнев. Ненависть. Боль.

Он сжимает ближайший ко мне конец подлокотника, вены на его руке вздуваются, тело излучает физическую силу, которой он раньше не обладал.

– Откуда ты знаешь, если не видела ее последние двадцать лет?

В яблочко!

– Я всегда находилась рядом, – тихо возражаю я, мои щеки горят от его вопроса.

– Рядом? – Его губы растягиваются в жуткой улыбке. – Вот, значит, как ты это называешь?

– Тише, тише, – в нашу перебранку вмешивается мистер Макалистер. – Можем ли мы сосредоточиться на главном? Кэтрин знала, что это станет, скажем так, шоком. Но она была очень ясна в своей просьбе и чувствовала, что в ваших же интересах довести условия ее завещания до конца. – Мистер Макалистер внимательно посмотрел на нас. – Когда-то вы были друзьями, и Кэтрин думала, что вы опять можете ими стать.

– А если не сможем? – Я игнорирую боль, вызванную его словами. – Я имею в виду условия завещания.

Рядом со мной Эдвард издает какой-то звук, похожий на фырканье.

– Да. Тогда... – Чарльз откашлялся и просмотрел лежащие перед ним бумаги: – Если один из вас уйдет до истечения срока, его имущество переходит другому.

– А если мы оба уйдем? – резко бросил Эдвард.

– Ну, тогда все немного сложнее. В этом случае Кэтрин велела разделить имущество, подробно описав конкретные участки, которые нужно передать в дар местным предприятиям и благотворительным организациям.

– Гленробин будет разделен? – Эдвард в шоке произносит последнее слово. Я тоже в шоке. – Но этот замок, все это поместье принадлежало моей семье на протяжении нескольких поколений.

– И конечно, Кэтрин хотела бы, чтобы все так и оставалось. – Макалистер улыбается, аккуратно складывая бумаги. Он что, бредит? – Итак, в ваших интересах придерживаться условий, изложенных в завещании.

– И что произойдет через год? – спрашиваю я.

– Прожив там год, вы сможете делать со своей долей все, что пожелаете. Продайте его другой стороне, пожертвуйте, оставьте себе. Все, что угодно, если только вы оба согласны с этим решением.

– Какая глупость!

– Первая разумная вещь, сказанная сегодня, – бормочет Эдвард.

Я бросаю на него мимолетный взгляд, прежде чем вернуться к насущной проблеме.

– Итак, просто для ясности, мать Эдварда наследует определенную сумму наличными и дом в Лондоне. Остальное – поместье, прислугу, семейные реликвии Гленробина – она завещала нам?

– Вместе с суммой денег в дополнение к доходу, который приносит поместье, для покрытия текущих расходов. Этой суммы должно хватить на долгие годы.

Я ошеломленно киваю.

– И мы с Эдвардом поделим все пятьдесят на пятьдесят?

– Совершенно верно.

Эдвард откашливается и сверлит взглядом Макалистера.

– А если она, когда закончится год, решит продать свою долю тому, кто больше заплатит?

Мой желудок скручивается от его слов. Неужели он верит, что я могу сделать такую вещь? Неужели не понимает, что я на его стороне? Я знаю, что не заслуживаю этого наследства. Даже не заслуживаю сидеть с ним в одной комнате и выслушивать последние пожелания Кэтрин. При всей моей любви к ней, я не ее кровный родственник и не была ее настоящей семьей. Не важно, как сильно она пыталась сделать меня такой.

– Я задал тебе вопрос, Чарльз!

Но Макалистер наблюдает за мной. Беспокоится обо мне. Я вижу это в его сочувствующих серых глазах. Я не заслуживаю сочувствия этого человека.

– Чарльз!

Тот оживает и бросает взгляд на Эдварда:

– В таком случае ты можешь выступить против этой сделки. Любая продажа активов должна быть согласована между вами. – Макалистер пристально смотрит на Эдварда. – Я уверен, вы разрешите любые проблемы, мистер Фицрой. Кэтрин попросила меня помогать вам столько, сколько будет нужно, включая отслеживание расходов, если это поможет вам сосредоточиться на мирном обустройстве дома. Кэтрин надеялась, что со временем вы будете способны уладить все между собой.

Голос Эдварда лишен эмоций.

– Обустройстве дома?

Эти слова эхом отражаются внутри меня. У меня нет дома. Никогда не было и не будет. Замок Гленробин был ближе всего к этому понятию. Я пробыла там восемнадцать месяцев. Привязалась к земле, к людям. К Кэтрин. К Эдварду.

А потом это стало душить меня. Накрыла паника. Все хорошее когда-нибудь заканчивается. И пусть лучше закончится на моих условиях.

Но я не смогла отпустить Кэтрин.

И она это знала.

Так вот что это было? Попытка дать мне корни. Подарить дом, от которого я, возможно, не смогла бы отказаться.

– Я знаю, все это тяжело воспринять. – Макалистер заполнил напряженную тишину. – Давайте вы возьмете все документы, почтаете и вернетесь ко мне с любыми вопросами, которые у вас возникнут. Я буду доступен в любое время, когда вам понадобится. Кэтрин была моим самым дорогим другом и давним клиентом. Это не только моя работа. Это личное.

Эдвард мрачно улыбается ему, прежде чем посмотреть на меня, тысячи вопросов горят в этих насыщенных карих глазах, которые так долго преследовали мои сны.

Интересно, что нужно сделать, чтобы они смотрели на меня так, как раньше.

Со смехом, с теплотой, с...

Брось, Саммер, ты ведь сбежала не просто так. Были причины. И они никуда не делись.

– Вот. – Макалистер протягивает каждому из нас по конверту. – Она оставила каждому из вас по письму.

Мои пальцы дрожат, когда я тянусь за письмом. Семейный герб в правом нижнем углу бумаги с тиснением цвета слоновой кости вызывает глубокую внутреннюю боль, которую невозможно игнорировать.

– Спасибо.

– Есть еще вопросы?

Я качаю головой.

Он смотрит на Эдварда, чьи глаза прикованы к конверту, зажатому в моей руке.

– Мистер Фицрой?

– Нет. Пока.

Макалистер мрачно улыбнулся:

– Я понимаю. Но будьте уверены, ваша бабушка долго и много думала об этом. Она была не из тех, кто принимает легкомысленные решения.

Глаза Эдварда вспыхивают.

– Да. Это так.

– Что касается твоей матери, дай мне знать, если понадобится моя помощь в том, чтобы передать ей все это. Я удивлен, что она отклонила мое приглашение присутствовать сегодня.

– Я – нет.

Тон Эдварда становится резким, он засовывает свое письмо в карман куртки.

– Спасибо, Чарльз, мы разберемся.

– Я бы хотел сопроводить вас в поместье.

Макалистер смотрит на меня, но отвечает Эдвард:

– В этом нет необходимости.

Он поднимается, и я следую его примеру, расстроенная тем, что он говорит за нас обоих, но не в состоянии спорить. Я засовываю конверт в сумку и перекидываю ее через плечо. Эдвард стискивает челюсти и жестом показывает, чтобы я шла впереди.

– Спасибо, Чарльз. – Его голос теплеет от уважения к пожилому человеку. – Я буду на связи.

Макалистер встает, по-моему, явно довольный, что аудиенция окончена. Он протягивает мне руку, я пожимаю ее.

– Рад снова видеть тебя, Саммер.

– Спасибо.

Я улыбаюсь ему, но задаюсь вопросом: когда мы виделись? Наверное, на каком-нибудь светском приеме Кэтрин в поместье, да и многих других, не связанных с обществом. Правда, тогда я положила глаз только на одного мужчину.

А сейчас я втягиваю воздух, поворачиваясь лицом к этому мужчине. Он ждет. И явно доминирует в этой комнате. Доминирует надо мной, и я сдерживаю дрожь. Откуда в нем сила, заставляющая меня чувствовать себя такой маленькой и слабой?

А ведь я сильная, решительная, способная встречать вызов лицом к лицу. Мне просто нужно пространство без него, чтобы учесть пожелания Кэтрин и разработать план игры. План, который станет пищей для мозга и запрет мое сердце.

Вопрос в том, предоставит ли он мне это пространство?

Я выпрямляю спину и прохожу мимо него. Чувствую, как его глаза сверлят мою спину. Моя кожа оживает от его близости. Сердце тоже. Обретение пространства чисто физически, может, и не проблема. А вот ментально, эмоционально...

Эдвард

Она на удивление быстро спускается по лестнице, сумка ей ни в малейшей степени не мешает. Это было бы впечатляюще, если бы я не знал, что убегает она от меня.

Снова.

Оказавшись снаружи, она и не подумала замедлиться. Куда она так спешит?

– Уходишь, не попрощавшись?

Она замирает на ступеньках, резко выдыхает, прежде чем повернуться ко мне.

– Послушай, Эдвард...

– Не волнуйся, Саммер, ты уже делала так. Теперь я не обижусь.

Она бросает взгляд на улицу, готовая бежать.

– Но нам действительно надо поговорить.

– Прямо сейчас мне нужно пространство, чтобы подумать.

Я засовываю руки в карманы, стараясь не обращать внимания на боль от ее побега и упрямое желание оставаться на своей орбите. Проклятие. Как же так, прошло двадцать лет, а неприятная потребность быть рядом с ней, несмотря ни на что, осталась!

Внутренняя потребность, настолько глубокая, что стала такой же частью меня, как кровь, текущая по венам.

– Тогда когда?

– Скоро.

– Как скоро?

– Я не знаю, Эдвард! – выпаливает она, раздраженная. – Все это стало для меня огромным потрясением, и мне нужно собраться с мыслями, прежде чем я смогу вести с тобой разумный разговор об этом.

– Хорошо. Где ты остановилась?

– Какая разница?

– Я пришлю за тобой машину, когда ты будешь готова поговорить.

– Не стоит.

– Это его работа.

Она смеется, и я не выдерживаю:

– Рад, что ты находишь это забавным.

Она качает головой, спускается по последней ступеньке, поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Я готовлю себя ко всему, что она захочет сказать. Заставляю себя сопротивляться теплу, которое пульсирует во мне оттого, что она снова так близко.

– Мы поговорим в поместье! – Это приказ, а не просьба. – В конце концов, нам там жить.

По коже бегут мурашки, когда я признаю эту истину, сердце бьется учащенно, призывая ее отказать мне.

– Хорошо.

Я сглатываю, игнорируя учащение пульса, вызванное ее неожиданным согласием.

– Хорошо.

– Но я доберусь до поместья своим ходом. Когда ты собираешься уезжать?

Я смотрю куда-то вдаль. Шум и суета Эдинбурга помогают отвлечься от нее и избавиться от давления, нарастающего в голове и груди. Почему так трудно дышать, когда она рядом? Просто сосредоточиться и ясно мыслить?

Может быть, она права, требуя немного пространства и времени порознь, прежде чем мы обсудим дальнейшие действия.

– Скоро. Сначала мне нужно уладить здесь кое-какие дела.

– Хорошо. – Она уже собирается уйти. – Я пришлю тебе сообщение, когда буду готова поговорить.

– А тебе не понадобится мой номер для этого?

Ее щеки краснеют, она делает шаг ко мне, роясь в кармане в поисках телефона. Передавая мне телефон, на меня не смотрит. По какой-то причине я позволяю нашим пальцам соприкоснуться и чувствую, как древняя связь согревает меня. Дразнит меня.

Я слышу, как она резко втягивает в себя воздух, вижу головокружительный по своей интенсивности огонь в ее глазах, когда она смотрит на меня. Тысяча давно похороненных желаний вырывается на поверхность, и я хочу притянуть ее к себе. Сделать то, на что у меня не хватало духу все эти годы.

Она отдергивает руку. Я возвращаюсь к реальности. Все дело во мне, а не в ней. Это я хочу и чувствую больше, чем следовало бы.

Я стискиваю челюсти, крепко сжимаю ее телефон, набираю мой номер, чтобы у меня сохранился ее номер, и возвращаю ей телефон. Она настороженно смотрит на меня и облизывает губы.

– Спасибо. Прощай, Эдвард.

Прощай, Эдвард. Какая простая фраза. Вот я и получил прощание. С задержкой на двадцать лет.

Она поворачивается, чтобы уйти, а во мне поднимается гнев, уродливый, горький, холодный.

– Саммер!

Она поворачивается ко мне полубоком.

– Да?

– Возможно, ты однажды нашла дом в Гленробине, и бабушка, возможно, снова подарила его тебе, но я не она. И найду способ обойти завещание, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Ее глаза расширяются, но я уже отворачиваюсь. Меня не волнует, причинил ли я ей боль. Меня это не волнует. Хотя ногти, впивающиеся в ладони, свидетельствуют об обратном. Я ухожу, высоко подняв голову и расправив плечи.

Так нельзя. Уехала на двадцать лет, а потом вернулась да еще с претензией на наследство. Поместье моей семьи.

Тебя лишь имущество беспокоит?

Я будто слышу голос бабушки у себя в голове, побуждающий меня признать истинный источник беспокойства. Я провожу рукой по волосам.

Вдалеке мой водитель выходит из машины, подбегает к багажнику и достает зонтик. Слишком поздно. Я промок насквозь. И даже не заметил.

Я отмахиваюсь от зонтика, предпочитая барабанный бой дождя паническому стучу сердца.

Глава 3

Саммер

Пальцы висят над клавиатурой. Я набираю и удаляю его имя несколько раз. Судя по взглядам посетителей кафе, сидящих неподалеку, постукивание по клавишам становится все более агрессивным.

Хотя, возможно, я просто чувствительна к их взглядам, поскольку осознаю, что поступаю неправильно.

Любопытство. Как сплетница.

Я бы предпочла искать информацию в уединении своего номера, но оказалось, что их услуги не включают бесплатный вай-фай. И вот я в кафе, пристально смотрю на свой ноутбук. Мои поиски ни к чему не привели.

Я не искала информацию о нем уже лет десять. От Кэтрин я знала, что у него все хорошо, а мне не стоит больше дразнить себя.

Медийная привлекательность Фицроев не знает границ. Очаровательная внешность, аристократические корни, воспитание, вращение в высших кругах – все это приманивало репортеров отовсюду. Об этой семье писали все газеты.

Но мужчина, которого я вижу сейчас, разительно отличается от парня, которого я знала. Сейчас это суровый, очень суровый мужчина. И дело не в возрасте. Есть что-то еще. Что-то темное и опасное.

Его ненависть к тебе.

Я отбрасываю эту мысль. Не хочу верить. Склонна думать, что это просто неотъемлемая часть того человека, которым он стал сейчас.

А может, все дело во мне? Может, когда меня нет рядом, он совсем другой?

Нет, я не хочу в это верить.

Как не хочу верить и в то, что он стал таким холодным и безжалостным. Даже его акцент стал резким.

А что насчет того, как он коснулся моей руки, задержал взгляд, опалил меня до кончиков пальцев ног неприкрытым желанием за несколько секунд до того, как изрек прощальное замечание, ранив меня до глубины души?

Я вздрагиваю и стряхиваю это с себя. Мне бы стоило знать, что он будет там. А следовательно, лучше подготовиться, поискать в Интернете информацию, которую можно найти.

Так сделай это сейчас.

Я смотрю на его имя в строке поиска, курсор мигает рядом. Нажимаю «Ввод» гораздо сильнее, чем следовало бы.

Пристально вглядываюсь в экран, когда появляются результаты.

Миллиардер. Миллиардер. Миллиардер.

Это слово повторяется. При каждом упоминании о нем появляется рядом. И я прокручиваю и прокручиваю.

Британский медиамагнат, предприниматель в области технологий и финансов, филантроп. Криптовалюта. Социальный предприниматель, основатель компании. Чистая стоимость...

Я слтаываю. Он действительно очень богат. Насколько же безжалостным нужно быть, чтобы достичь таких высот?

Для меня деньги – неизбежное зло. Я живу одним днем. Не поймите меня неправильно. Я не безответственная, всегда откладываю достаточно, чтобы убедиться, что никому не в тягость.

Обуза?

Я давлюсь смехом. Нет никого, для кого я могла бы быть обузой. Единственный человек, о котором я когда-либо позволяла себе заботиться, ушел. Ну, не совсем единственный.

Другой смотрит на меня с экрана, фотографии достаточно, чтобы мое тело согрелось. Я знаю, что он ненавидит меня и хочет избавиться. Но это не имеет значения.

И да, мне не в чем винить его.

Я ушла, не попрощавшись.

А теперь он вынужден делиться со мной своим наследством.

А если он женат? Неужели Кэтрин так бы поступила с ним?

Я печатаю «Жена Эдварда Фицроя». Ввод.

Так много фотографий. Все лучшие представители общества. И женщины. Много женщин. И все соответствуют ему. Во всем. Статус, внешность, образование.

Я не дотягиваю ни до одной из них.

Ты достаточно хороша такая, какая есть. Тебе нечего доказывать. Не на кого произвести впечатление.

Я тянусь за своим мокко, делаю сладкий успокаивающий глоток и осмеливаюсь прокрутить дальше.

Стоп! Что это?

Нажимаю на заголовок, не в силах удержаться.

Симпатичный парень, успешный, среднего возраста, все еще холостяк.

Наш потрясающий Фицрой гей?

Это один из вопросов, на который я знаю ответ. Возможно, мы и не пересекали черту, но выражение его глаз тогда... Да и взгляд вчера был таким сильным, что превзошел ненависть. Нет, он не гей.

Я бы только хотела быть так же уверена в намерениях Кэтрин. И знаю, что письмо поможет объяснить, но не могу его открыть. Сейчас оно под моим ноутбуком, но всякий раз, когда я тянусь за ним, у меня переворачивается все внутри, а пальцы отказываются повиноваться. Вина и горе держат меня в заложниках.

Мне следовало вернуться раньше. Я должна была знать, что она больна. Я должна была вернуться. Должна была.

Мои глаза щиплет, я стискиваю зубы, сглатываю. Я нахожусь в общественном месте, сейчас не время для слез, но я в замешательстве, сбита с толку.

– О чем ты думала, Кэтрин?

– Ты хочешь сказать, что не знаешь?

Я подпрыгиваю, когда глубокий, сексуальный протяжный звук резонирует во мне, мои глаза расширяются, когда я поворачиваюсь на стуле.

– Эдвард!

Не верю своим глазам. Пульс учащается, во рту пересыхает.

Неужели ему обязательно все время быть столь чертовски сексуальным?

– Что ты?.. Почему?.. Как ты узнал, что я буду здесь?

И откуда эта косноязычная школьница в период влюбленности?

– У меня свои способы.

И наверняка все они связаны с наличными, которых у него огромное количество.

– Держу пари, это так. И ты здесь, потому что?..

Он молчит, я вопросительно приподнимаю брови. Наверное, не только мне трудно подобрать слова.

– Я здесь, чтобы увидеть тебя.

– Констатируешь очевидное?

В его глазах полыхнул огонь, мое сердце подскочило к горлу. Не стоит его дразнить.

– Я имею в виду...

– Я хочу извиниться.

– Ты? – Я хмурюсь. Неужели не расслышала? – Ты – что?

– Я хочу извиниться.

Теперь он говорит, как робот. Я по-прежнему не уверена, что понимаю его правильно.

– Ты хочешь извиниться?

– Да.

– Ты?

Он издает какой-то сдавленный, раздраженный звук, от которого тянет рассмеяться.

– Пожалуйста, не усложняй все еще больше.

– Больше? Прошу прощения, Эдвард. Тебе что, сделали лоботомию вчера?

Он мгновенно хмурится и надувает губы. Это отвлекает меня. Я продолжаю смотреть на него. Извиниться? Наверное, это хороший знак.

Он глубоко вздыхает и засовывает руки в карманы.

– Я был в шоке. Понятия не имел, что бабушка собирается это сделать.

– А ты думаешь, я знала?

У него между бровями появляется V-образная морщинка. У меня возникает нелепое желание разгладить ее.

– Ну! А разве нет?

– Боже, нет! А если бы знала, попросила бы изменить завещание.

Намек на улыбку на его губах. Я жажду широкой ухмылки, легкого смешка – чего угодно, что указывало бы на то, что Эдвард, которого я когда-то знала, все еще где-то там.

– И пришлось бы выслушать много всяких слов.

Я тихо фыркаю, меня наполняют горько-сладкие воспоминания.

– Она всегда умела сказать то, что нужно, чтобы заставить меня подчиниться.

– Ну, если ты попирала правила.

– Говорит парень, который всегда следовал каждому правилу.

– С тех пор я изменился.

– Я вижу.

И я позволяю взгляду скользнуть по нему. И не волнует, что я пожираю его глазами. Я хочу поглотить его. Хочу, чтобы он горел так же, как я. Чтобы мое присутствие пробудило к жизни ту его часть, которой наслаждались женщины из Интернета. Я заставляю себя снова посмотреть ему в глаза, заметив ответный огонь, который мне удалось спровоцировать.

– Это извинение. Я все еще жду.

Он усмехается. Это ему не идет. Зато он становится прежним. Я поджимаю губы, сдерживая улыбку.

Он откашливается и резко кивает.

– Мне очень жаль, Саммер. У меня было время поразмыслить и прочитать письмо, которое оставила бабушка. Ты-то прочитала свое?

Он замечает его на столе, я качаю головой.

– Пока нет. Прочитаю, когда буду готова.

– Ясно.

Повисает пауза, и я понимаю, что он обдумывает мою реакцию, эмоции. Я переключаю его внимание.

– Итак, ты прочитал письмо?

– И не согласен ни с тем, что она сделала, ни с тем, что написала в письме, но это ее последняя воля, и я буду уважать ее до определенного момента.

– До определенного момента? – тупо повторяю я, гадая, что бы это значило. – Мы правда будем жить вместе? – Мое сердце бешено колотится.

– Да. И чем скорее мы сможем все обсудить, тем лучше.

Я молчу. Это какое-то безумие.

– Так что поехали со мной.

– Что? – Меня накрывает паника. – Куда? С тобой?

– В поместье. По пути можем поговорить.

– Но я... Когда?

– Сегодня днем.

– Но...

Дыши, Саммер, дыши.

Это слишком рано. У меня не было достаточно времени, чтобы подумать.

Он наклоняется ближе ко мне. Я чувствую запах его одеколона, тот заполняет меня, будоражит чувства.

– Но – что?

– Это далековато отсюда.

– И?.. Уверен, провести путешествие со мной не такая уж ужасная перспектива.

По спине пробегает дрожь, я улавливаю намек на насмешку в его словах.

– Когда-то мы наслаждались обществом друг друга, Саммер. Уверен, мы можем, по крайней мере, быть вежливыми в течение этого промежутка времени.

Не могу удержаться от смеха.

– Это должно сделать твоё предложение более привлекательным?

Он криво улыбается:

– Нет, не думаю. Но уверен, что, если мы объединимся и поедем вместе, это каким-то образом поможет планете. Я ведь знаю, как сильно ты об этом заботишься.

Я тарашусь на него. Он что, читал обо мне? Или Кэтрин ему что-то рассказывала? Что он знает? Что видел? Что попало в СМИ? Митинги протеста – наверняка. Станный арест – возможно. О боже, мои щеки пылают, я опускаю голову, чтобы он ничего не заметил.

– Отлично. Когда выезжаем?

– Я заеду за тобой в два.

– Отлично.

– Отлично.

Неловко.

Он застыл на месте. Решаюсь спросить:

– Что-то еще?

– Нет. – Он отмирает. – Увидимся позже.

Он поворачивается, чтобы уйти, но колеблется. Мое сердце подпрыгивает. Что теперь?

Он оглядывается на меня, в его глазах появляется любопытный блеск.

– Между прочим, я не такой.

– Не такой?

Его взгляд скользит по экрану моего ноутбука. Вот ужас-то, я по-прежнему на странице с ярким заголовком «Наш потрясающий Фицрой гей?».

Ну почему из всех статей на мониторе именно эта!

Провалиться на месте.

– Но я определенно потрясающий!

Что-то промелькнуло в глубине его шоколаднокарих глаз. Это что-то вызывает тысячу трепетаний внутри меня.

– До свидания, Саммер.

И он уходит. А я по-прежнему хочу провалиться на месте. Но лишь захлопываю ноутбук и прижимаюсь лбом к его прочной крышке.

Эдвард

Я открываю дверь на улицу и не могу удержаться от последнего взгляда. Она утыкается лицом в ноутбук, и смех клокочет внутри меня. Я качаю головой и выхожу, радуясь прохладному утреннему воздуху.

В этом нет ничего смешного.

Вообще ничего.

Она вернулась в мою жизнь меньше чем двадцать четыре часа назад и уже перевернула ее с ног на голову. Нет. Поправка. Бабушка сделала это. И причинила мне огромную боль.

Дело не в деньгах. Дело в любви, верности и доме моих предков. Как она могла так поступить? Подарить половину женщине, которая исчезла из моей жизни двадцать лет назад? Как могла вернуть ее в мою жизнь и вновь рискнуть подвергнуть меня такой боли?

Но я не сдамся, сделаю все возможное, чтобы навсегда вычеркнуть ее из своей жизни. Мои адвокаты изучают условия завещания, и, если есть лазейка, они ее найдут.

Нет никакой кровной связи, никаких уз. Эта женщина даже не приехала на похороны бабушки. Что это за человек, который утверждает, будто ему не все равно, но даже не приходит попрощаться?

У меня сводит челюсть, когда я вхожу в фойе моей штаб-квартиры в Шотландии. Это мое пространство для сосредоточенности и успеха, ради которого я чертовски усердно работал, доказывая, что представляю собой нечто большее чем просто имя моего отца. Титул отца.

И посмотрите на Саммер. Ей подарили огромное состояние, оно могло бы накормить маленькую нацию, а она даже ничего не сделала, чтобы заслужить это.

Ну, только через мой труп.

Прости, бабуля.

Глава 4

Саммер

Моя драгоценная Саммер,

Понимаю, это будет шоком для тебя, но ты меня знаешь, я никогда не делаю ничего, тщательно не обдумав. Как говорится, в моем безумии есть здоровое зерно, так что потерпи, пожалуйста, меня и условия моего завещания. Я не собираюсь прибегать к эмоциональному шантажу.

А теперь о серьезном. Я вижу, как ты живешь, начинаешь одно дело и бросаешься к другому. Никогда не проводишь на одном месте достаточно долго, чтобы пустить корни. Я беспокоюсь, а вдруг ты не остановишься, и жизнь пройдет мимо тебя, и ты ведь никогда не почувствуешь, что значит быть довольной, счастливой, любимой.

Я больше всего сожалею, что ни у тебя, ни у Эдварда никогда не было настоящего дома. Дома, наполненного любовью и смехом. О, я пыталась, видит бог, я пыталась. И думаю, ты можешь сказать, что это моя последняя попытка дать вам обоим то, чего у вас никогда не было.

Почему вместе?

Потому что вы принадлежите друг другу, и вам давно пора это понять.

Называйте меня романтической старухой, называйте, как хотите, но таков мой способ встряхнуть вас. Я должна была сделать это много лет назад, но надеялась, что жизнь все сделает за меня. Что ж, у жизни был свой шанс, а свой я упустила. Так что вот так.

Берегите себя и друг друга. Я верю всем сердцем, что это возможность для вас обоих найти собственный путь к счастью. Пожалуйста, сделайте это.

Со всей моей любовью и надеждой на будущее,

Целую,

Бабушка.

Я прижимаю кулак ко рту, сдерживая рыдание. Рыдание, которое одновременно и смех, и сдавленный стон.

Тщательно выведенные слова расплываются от слез, я убираю письмо, чтобы слезы не размыли чернила.

По крайней мере, теперь я понимаю, о чем она думает.

Понимаю, да.

А соглашаюсь?

Я и Эдвард.

Это просто невозможно.

– Прости, Кэтрин, – говорю я в пустой гостиничный номер, желая ошибиться. Желая, чтобы она оказалась права. Желая, чтобы мечта стала реальностью, хотя и знаю, что это не так и никогда так не будет.

Потому что никто никогда не любил меня настолько, чтобы захотеть оставить.

Ты ошибаешься. Кэтрин любила.

Но тогда она единственная в своем роде. А Эдвард совсем другой человек.

И обладает силой, способной сломить меня полностью, если я позволю.

Глава 5

Эдвард

Моя машина подъезжает к ее отелю ровно в два, и я с удивлением обнаруживаю, что она уже ждет меня на тротуаре. Сидит на рюкзаке, притоптывает ногами, обутыми в массивные ботинки. Одета она в смехотворно тонкое кимоно с длинными рукавами.

У нее нет пальто?

Сегодня не дождливо, и, хотя солнечные лучи освещают все вокруг, их тепла явно не достаточно для комфортного пребывания на улице.

Я выпрыгиваю из машины прежде, чем мой водитель успевает подойти к ней.

– Садись в машину. Здесь очень холодно.

Она вскакивает. В глазах полыхает огонь.

Я разозлил ее? Мне все равно. Где ее здравый смысл?

– И тебе привет.

Я игнорирую ее замечание и подхватываю рюкзак, чтобы передать водителю. Она возмущенно фыркает.

– Давай, Саммер, садись, – повторяю я, открывая дверь. – Хоть это и избавило бы меня от проблем, я все же не хочу, чтобы ты застудилась.

Она пристально смотрит на меня, открывает и закрывает рот. Быстро проскальзывает внутрь и хлопывает дверь у меня перед носом.

Я поднимаю голову, делаю глубокий вдох-выдох, обхожу машину и сажусь с другой стороны. И говорю я, не глядя на нее:

– Пристегнись.

Она тихо вздыхает и, поймав в зеркале заднего вида взгляд водителя, безропотно пристегивается. Машина трогается с места. Мне становится легче дышать, но потом я улавливаю слабый аромат ее духов. Легкий, солнечный. Как, впрочем, и вся она.

– Ты всегда такой сварливый или только со мной?

Я едва сдерживаю улыбку. Нет здесь ничего веселого. Если бы я мог все время оставаться сварливым, было бы намного проще.

– Ты ведешь себя как ребенок, я буду соответственно к тебе относиться.

– Ребенок? Как ты смеешь!

Я поднимаю заградительное стекло, чтобы водитель не смог услышать больше чем следовало бы. И медленно поворачиваюсь к ней:

– Ты стоишь на улице на ледящем холоде, не обращая внимания на погоду, как еще я должен к тебе относиться?

Широко раскрыв глаза, она смотрит на меня с непонятым выражением, быстро и глубоко дышит, от чего раздвигается кимоно. Мои глаза невольно опускаются. Я сжимаю кулаки, она ворчит, стягивает кимоно и откидывается на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надув губы.

– К твоему сведению, у меня нет пальто.

Я хмурюсь. Она что, серьезно?

– У тебя... Как это у тебя нет пальто?

Она бросает на меня взгляд:

– Я живу там, где солнце. Зачем мне пальто?

– Всем нужно пальто.

– Нет, если все твои вещи должны поместиться в одном рюкзаке, тебе не нужно пальто. Я ношу с собой то, что мне нужно. Ясно?

Я нажимаю на интерком, чтобы поговорить с водителем.

– Паркер, мы делаем крюк. Мисс Эванс нужно купить кое-что из вещей.

– Не глупи, Эдвард! Мы не пойдем за покупками.

– Пойдем.

– Мы не успеем на поезд.

– Нет.

– Ну, а если поедем на машине, нужно уже сейчас выезжать, чтобы приехать до захода солнца. Почему ты так на меня смотришь?

– Мы не поедем на машине.

– Автобус?

Она озадаченно хмурится, а я изо всех сил стараюсь не рассмеяться.

Я на автобусе? Серьезно?

– Мы полетим на вертолете.

– Вертолете? – выдыхает она. – Ну да, конечно. Я не должна удивляться, так ведь?

– Не знаю, Саммер. Вертолетная площадка появилась в поместье недавно. Само собой разумеется, ты не знала об этом.

Я чувствую ее замешательство, недовольство. А чем она недовольна? Тем, что я напомнил, как долго ее не было в поместье, или тем, что мое богатство делает возможным такие вещи, как вертолетная площадка?

Была бы она так недовольна, если бы знала, по какой причине вообще существует эта площадка?

Возникает нелепое желание объяснить, но я прикусываю язык. Меня не волнует ее мнение. Нам просто нужно пережить следующие несколько дней, недель, месяцев, даже год, не дай бог, не поубивав друг друга.

– Куда, сэр? – раздается голос Паркера, и я понимаю, что не указал ему направление.

– «Харви Николс».

Огромный торговый центр, очень удобно, все в одном месте.

Она смотрит на меня, ее голубые глаза горят.

– Мы не пойдем.

– Ты предпочитаешь «Дом Фрейзера» или...

– Мы не собираемся за покупками!

– Мы нет, а ты – да.

– У меня нет денег, чтобы просто...

– Поправка. У тебя есть деньги, или ты уже забыла?

– Seriously, Эдвард, ты...

– Сэр, – напоминает Паркер, когда мы приближаемся к светофору.

– «Харви Николс». И пожалуйста, задержи наш вылет на два часа.

– Два часа? Что, черт возьми, мы будем покупать такого, что займет два часа?!

– Кажется, ты обмолвилась, что у тебя целый рюкзак летней одежды, или я ошибаюсь?

– Нет, но...

– Тогда мы отправляемся за покупками. Можешь воспользоваться моей карточкой.

– Я не хочу использовать твою чертову карточку, Эдвард, – выпаливает она, выпячивая нижнюю губу.

Как было бы приятно ее целовать, я почти ощущаю ее вкус на губах. Мысленно приказываю себе: «Остановись!»

– Ты опять ведешь себя как избалованный ребенок.

Ее глаза вспыхивают, она с низким рычанием откидывается на спинку сиденья.

- Когда ты успел стать таким злым?
- Когда ты ушла, не попрощавшись.
- Идиот! Зачем я вообще это вспомнил?
- Нужно что-то срочно сказать, но она опережает меня.
- Эдвард, прости меня за то, что...
- Брось, Саммер, я не хочу оглядываться назад. Сейчас мне нужно убедиться в том, что ты не умрешь от переохлаждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.